

Владимир Шапрон дю Ларре. Воспоминания о России 1917–1923. Симбирск

В Симбирске мы жили в центре города, дом стоял в глубине сада, который отделял его от улицы. Рядом с садом был огромный двор, в глубине стоял маленький дом, где жила моя больная тётка. За большим домом находилась прачечная, а напротив сада конюшня, с помещением для экипажей.

Наш дом был двухэтажный, достаточно вместительный для всей нашей семьи и для прислуги из Юрманки, которая сюда приехала с нами. Нас было 12 человек: я, моя жена, наших четверо детей и их гувернантка, две горничные, повар, которого скоро сменила кухарка. И, наконец, лакей, который нам служил как преданная собака везде, куда бы мы ни поехали. Ему было 70 лет, и звали мы его – «Дедушка Соловей».

В комнате рядом с прачечной разместились компания из трёх пленных австрийцев и карлика Фёдора Семёновича, которая не хотела нас покидать.

Один из них, по имени Гийом, уже три года работал у меня вместо прежнего русского шофёра. Он был замечательный шофёр, проработавший до этого в течение 8 лет в Вене. Этот человек был настолько ко мне привязан, что ничего не хотел слышать о лагере для военнопленных, куда власти его приглашали прийти. Как только произошла революция, я предложил ему уйти и тем более не сопровождать меня больше на автомобиле, так как его могли жестоко убить вместе со мной. Этот храбрый юноша ответил мне, что он не покинет меня никогда в жизни, и меня смогут убить, только когда покончат с ним. Его привязанность была поистине трогательна.

Наконец, у нас работали примерно 200 военнопленных, большей частью венгры. Все они должны были покинуть нас, как только началась революция. Но примерно человек 10 из них захотели остаться, однако позднее с нашим отъездом из Симбирска и они вынуждены были уехать.

Через несколько дней после нашего приезда я вызвал Сушанова, приказав ему приступить к ликвидации движимого имущества. Я пригнал в Симбирск табун лошадей и сам назначил им цену.

Оставил из них нескольких, которые мне могли бы пригодиться. Сушанову разрешил организовать торги в Лошине. Примерно за два дня 200 лошадей были проданы по цене выше назначенной, быков и коров выкупило земство по очень высокой цене. И так, у меня осталось в Репьевке лошадей тридцать и в Юрманке десяток коров и один племенной бык. Мне удалось привезти в Симбирск четырёх из этих коров вместе с крестьянкой для их ухода и дойки.

Время от времени мы посылали в Симбирск служанку Агафью, чтобы что-либо привезти и посмотреть, что там происходит. Она нам докладывала, что всё в порядке, прислуга по-прежнему следит за хозяйским добром.

Не успели пройти первые две или три недели, как ко мне явились первые посетители, крестьяне из Репьевки, которые просили меня с семьёй вернуться в имение. Но я не рисковал с этим до ликвидации всего имущества, на которое могли позариться крестьяне. Урожай обещал быть хорошим, у меня было примерно тысяча гектаров ржи, но я был уверен в том, что если буду ждать сбора урожая, то не смогу им воспользоваться, так как крестьяне отберут его. Чтобы избежать этой огромной потери, я придумал способ, который мне хорошо удался. Я вызвал из Репьевки одного из моих управляющих Дмитрия Кусова. Это был юноша очень разумный и сдержанный, и я ничем не рисковал, доверяя ему свои планы; я часто давал ему важные поручения, которые никому другому не доверил бы. Когда он у меня впервые появился, ему было 11 лет, я был ещё холост, и с тех пор его воспитывал. Я поставил его на ноги, дав образование и воспитание, и он стал моим покорным слугой.

Сейчас он был женат, я постарался, чтобы он ни в чём не нуждался, начиная самостоятельную жизнь. В течение двух последних лет он был управляющим в Лошине и очень хорошо знал поля этой фермы.

Дмитрий не заставил себя ждать. Я передал ему копию плана засеянных полей в Лошине и Репьевке, попросив его продать втайне весь урожай на корню разным репьевским людям по 50 рублей за полдесятины, затем при-

нести мне деньги от продажи. У меня оставались 25 полдесятин, и за выполненную работу 15 из них я подарил ему.

Пшеница таким образом будет собрана, зерно смолото на мельницах, находящихся в разных местах. Я посоветовал ему мельницы в Петровке и в Часовне, недалеко от Симбирска. Всё прошло хорошо, и в конце второй недели Дмитрий принёс мне деньги за продажу ещё зелёной пшеницы, сбор которой начнётся через шесть недель.

Довольный результатами этого дела, я решил спустя несколько дней отправиться в Юрманку, чтобы ликвидировать движимое и недвижимое имущество, которое я не мог доверить Сушанову. Он уже украл у меня весь приплод свиней, и мне следовало поторопиться с его увольнением. Он жил в нашем временном жилище в двух верстах от Лощины, на опушке нашего леса. Место это было спокойное и одновременно уединённое. Оттуда он по ночам совершал поездки, чтобы продавать своим друзьям всё, что он украл у нас, например, приплод свиней, который я забыл оценить и который он продал целиком мяснику в Чердаклах за 80 рублей. В действительности многие из 60 или 70 животных из Лощины стоили каждое более 80 рублей. Чтобы оправдать эту сделку, он сослался на то, что свиньи скоро будут секвестрированы.

Зная, что разговаривать с таким человеком, как Сушанов, бесполезно, я ничего не сказал, но предпринял все меры предосторожности, чтобы его удалить. Я сказал ему, что нет больше необходимости его дальнейшего пребывания в имении, что это может даже быть опасным для него, но он под разными предложениями медлил со своим отъездом. Мне нужно было также решить вопросы с прислугой, которая оставалась у нас и которой я платил жалованье.

Вот в таких обстоятельствах я выехал в Юрманку, сначала один, чтобы убедиться, что моей семье ничто не угрожает. Крестьяне и прислуга встретили меня не просто приветливо, а радушно. В деревне царил тишина. Я уволил достаточное количество слуг, продав им фиктивно строения, принадлежавшие нам, но в которых они проживали. Этим домам угрожала реквизиция Временным правительством. Я ликвидировал всё, что смог. У меня остались барские дома, амбары и конюшни, молотилки, локомобили, сеялки, жатки и большие плуги, которые крестьяне не купили. Наконец, я смог освободиться и от присутствия Сушанова, который на украденные у меня деньги купил дом в

Мелекесе, небольшом городе в Ставропольском уезде.

Поняв, что нет никакой угрозы, я написал жене, что она может приезжать. Это было кстати, так как дети, привыкшие к чистому деревенскому воздуху, могли заболеть в Симбирске. Моя жена была тоже очень рада вернуться в Юрманку, сразу же после получения моего письма она загрузилась с детьми, гувернанткой, служанкой Натальей, и Гийом примчал их на большом автомобиле. Моя младшая четырёхлетняя дочь тяжело перенесла этот утомительный переезд, но через два или три дня, проведённых в деревне, быстро поправилась.

Наша жизнь в Юрманке потекла привычно, но я больше не ходил в контору, только иногда увидеть моего секретаря Евгения Иванова. Он тщательно ожидал своего приемника, чтобы передать ему документы, которые теперь вынужден был сторожить. Я больше не ходил, как раньше, в поля смотреть на созревающий урожай, который уже не был моим. Время от времени я отправлялся на фермы, где жили несколько семей моих бывших слуг.

Было очень грустно видеть все эти места заброшенными, без всякого оживления, как будто смерть прошла здесь. Я беседовал с беднягами, оставшимися в этих пустынных местах, полностью подавленных в ожидании будущего, которое не казалось им радужным.

Почти каждый день мы с женой ездили в наши прежние леса, которые принадлежали теперь крестьянской общине, они, боясь репрессий, ещё не осмеливались их вырубать, не будучи уверенными в стабильности правительства, которое, однако, разрешало грабить и даже подталкивало к этому.

Иногда, когда моя жена не была расположена к длинным прогулкам, меня сопровождал мой кучер Фёдор, от него я узнавал, что думают крестьяне о недавних событиях. Благодаря этим разговорам, я всегда был готов к предстоящим событиям, знал все приказы местной власти крестьянам Юрманки. Крестьяне же, зная, что я получаю газеты, приходили с утра до вечера ко мне домой узнать новости, и я был доволен, что не так часто бываю дома. В противном случае с самого утра и до самой ночи мне приходилось объяс-

нять им, что произошло и чего ждать от революции. Разумеется, я пытался насколько мог разрушить все их иллюзии. Я очень любил жителей Юрманки, которые были добрые люди, честные и работящие, за исключением двух или трёх человек. Они отказались захватить наши земли, несмотря на предписания Репьёвского волостного комитета; после собрания они решили взять в аренду наши земли, расположенные в их общине на моих условиях, предложив даже мне заплатить, от чего я в целях предосторожности отказался. Сегодня я могу с уверенностью сказать, что я правильно сделал, не приняв их предложения, иначе они бы посчитали, что я их обманул.

Однажды члены Репьёвского волостного комитета пришли проинспектировать усадьбу в Юрманке. Я их принял в своём кабинете. Они измерили одну из моих конюшен. Не зная, кто эти люди и почему они измеряют конюшню, я послал кого-то узнать об их действиях. Они ответили, что по приказу Временного правительства должны составить список нашей собственности. Я не стал с ними спорить. На такие появления, повторяющиеся, мы перестали обращать внимания, и, в конце концов, выкли к ним.

Однако, в связи с захватом нашего имущества крестьянами Репьёвки, у меня могли быть неприятности с другими крестьянами, которые взяли у меня земли в аренду. Каждый год я сдавал в аренду часть земель, которые не мог обрабатывать сам. И мои арендаторы заплатили за них мне осенью 1916 года. Они подготовили поля для весеннего сева, а крестьяне Репьёвки их захватили.

Это было ещё во времена Сушанова. Однажды я увидел его во дворе дома в Юрманке, он разговаривал с крестьянами, и по их отношению я понял, что разговор был очень неприятный. Говоря и жестикулируя, Сушанов отступал в направлении барского дома. Я надел шляпу, взял трость и пошёл к ним. Как только я подошёл к группе, Сушанов спрятался за меня и исчез в моём доме. И вдруг я остался один перед тридцатью лихими парнями, большинство из которых я не знал. Я их спросил, что они хотят и почему устроили такой шум. Мой довольно спокойный голос их успокоил, и они перестали кричать. Они вежливо поприветствовали меня, но после надели шапки, прежде такого жеста они себе никогда бы не позволили. Затем они мне объяснили, что хотели бы воспользоваться землёй, которую арендовали у Сушанова. Я им объяс-

нил, что земля принадлежала не Сушанову, а мне. Но я больше не хозяин своих владений, всё это секвестрировано крестьянской общиной Репьёвки. Единственная вещь, которую я смогу сделать: это вернуть аванс, уплаченный осенью за аренду земли. Мои собеседники мне ответили, что им не нужен возврат денег, они требуют возврата земель. Эти простые люди старались затеять ссору, поэтому я должен был быть начеку; главное, не терять хладнокровия, а затем попытаться позвать их в дом. Я их успокаивал, предлагая пойти вместе в Репьёвку, но они отказались. Они хотели просто работать на земле, считая, что имеют на это право, но, в конце концов, не осмелились, боясь быть побитыми крестьянами Репьёвки. Я ждал от них положительного ответа, так как мне было легче им заплатить.

– Вы правы друзья, – сказал я им, – вы не должны ссориться с вашими соседями, которые сильнее вас и многочисленнее. Если вы попытаетесь захватить эти земли, они вам не позволят вернуть деньги и напомнят, что у этих земель другой собственник. И у вас не будет ни земель, ни денег. Скорее воспользуйтесь моим предложением, возьмите ваш аванс, и вы ничем не рискуете.

Они согласились принять предложенные мной деньги, осуждая поведение крестьян Репьёвки по отношению ко мне, и мы остались друзьями. Один старый крестьянин, имени которого я не знал, схватил меня за рукав и спросил, что я думаю о революции, но я ответил уклончиво. Этот человек, как и большинство его спутников, принадлежал коммуне Урена, который находился в версте от Юрманки. Его жители имели довольно пугающую репутацию. И тут он мне говорит, с хитрым видом:

– Ты добр, и с тобой приятно разговаривать. Чего не скажешь о нашем Павле, который держит себя всегда высокомерно и угрюмо с нами. Верно я говорю?

Павел Наумов¹, кузен моей жены, был честный мужчина, но строгий и суровый. Его земли прилегали к этой деревне, и он постоянно общался с крестьянами. Я не сразу ответил, сделал вид, что не расслышал, а сам раздумывал, что я должен возразить этой старой каналье, который смотрел на меня со злой усмешкой. В его глазах я читал: «на этот раз не вывернешься». Я не мог

1. Наумов Павел Михайлович (1861–1920), надворный советник, дядя Н.А. Шанрон дю Ларре, родной брат её отца Алексея Михайловича Наумова. Ему принадлежало имение при селе Архангельское-Репьёвка.

согласиться с мнением старика, так как все знали, что Павел Наумов – мой родственник. Помедлив, я посмотрел прямо в глаза старой лисе и ответил:

– Послушай, старик, ты говоришь, что я добр. Это потому, что ты не часто имел дело со мной. Ты осуждаешь Павла Наумова, потому что он твой бывший хозяин. Но я тебе гарантирую, если ты спросишь у кого-нибудь из моих репьёвских крестьян, кто из нас лучше, то он тебе ответит как раз обратное. То есть он тебе скажет, что Павел Наумов более добр, а я высокомерен и сердит.

Мои слова произвели отличный эффект на моих слушателей и старик отошёл в сторону. Другие ещё спросили у меня несколько советов и, выслушав и поблагодарив, ушли. Я же отыскал в доме Сушанова, который после разговора с крестьянами был не в своей тарелке.

После договора аренды, который мы заключили, крестьяне Юрманки спокойно засеяли поля, арендованные у меня. Они продолжали быть корректными по отношению к нам, и ничего в наших отношениях не изменилось за период с начала революции.

Однако однажды утром толпа примерно из 60 человек, вооружённых большими палками, подошла к дому. Я вышел из дома, сделав вид, что иду в конюшню. Я поступал обычно так, когда видел приближение подобных посетителей. Я не знал, с какой целью эта орда пытается проникнуть ко мне, и волновался за жизнь своих близких. Увидев меня, они поздоровались вполне дружелюбно. Я дал им себя догнать, и встал, окружённый крестьянами, возраст которых был примерно 40–45 лет. Они сняли шапки, как в прежние времена, двое или трое вышли вперёд и заговорили. Они пришли из деревни Кремёнки за моим советом, как поступить с приказом о прибытии в Ставрополь для мобилизации и отправки на фронт.

Общественный комитет им объяснил, что их мобилизация связана с отъездом молодёжи. Они мне рассказали, что будучи призванными в Ставрополь, они оставались там несколько дней без пищи, после чего власти изменили своё решение и отправили их домой. Все говорили одновременно, и я попросил одного из них объяснить мне, что они хотят.

– Господин, мы пришли к вам за разъяснением, что нам делать. Мы прекрасно понимаем, что нужно вести войну до победного конца. И мы отправимся сразу же в Ставрополь, если вы нам прикажете это сделать. Но в последний

раз мы оставались там пять дней без еды и питья, потеряли целую неделю, вместо того чтобы сеять. И кто должен воевать, мы или двадцатилетние, которые решительно отказываются?

Я им ответил, что больше не земский начальник, что не в курсе новых указов и затрудняюсь что-либо им посоветовать. Но они настаивали и даже угрожали, что не уйдут без моих указаний. Тогда я им сказал:

– Каждый русский гражданин должен использовать все средства и с оружием в руках помочь закончить войну, потом в качестве победителей воспользоваться плодами победы.

В противном случае вся кровь, пролитая до сегодняшнего дня на полях сражений, будет пролита даром. И мне кажется, что пример должны показать более старшие, а молодые последуют за ними. Но всё, что я сейчас сказал, это моё личное мнение. Официальные указания вы должны получить от уездного комитета комиссаров Временного правительства.

Они ответили, что с них достаточно комитетов, слушать они будут только меня, после чего один из них обратился к другим:

– Все слышали, что сказал наш бывший земский начальник? Все по лодкам, чтобы завтра быть в Ставрополе.

Они попрощались со мной и пошли на берег Юрманки; переправились на больших лодках, а их большие палки служили им, оказывается, вёслами.

Именно в этот период Керенский использовал всю свою энергию, чтобы удержать фронт, который покидали солдаты. Временное правительство стремилось мобилизовать молодёжь, но никто не являлся на призыв, тогда приказ был отдан старикам. Власти на местах сами были дезорганизованы, не обладали опытом проведения мобилизации войск, особенно после разложения старой армии. Газеты, которые я ещё получал, не давали истинного положения дел на фронтах, Временное правительство распространяло ложные слухи.

Продолжение в следующем номере журнала

Перевод с французского
Елены Мироновой,
кандидата филологических наук,
доцента кафедры романо-германских
языков УлГПУ